

Теория институтов и институциональной эволюции — одно из наиболее популярных направлений исследований в современной экономической науке. Особенно ее популярность возросла в 1990-е годы. Отчасти именно поэтому в политических программах и в текстах экономических стратегий появились такие словосочетания, как «институциональные реформы», «выращивание» или «трансплантация» институтов, «институциональные ловушки» и даже «институциональное проектирование». Однако современная институциональная теория весьма неоднородна и содержит различные подходы к анализу экономических систем и экономической деятельности. В прошлом номере журнала была опубликована подборка статей, посвященная основателю институционализма — Т. Веблену. Ознакомившись со статьями этого номера, читатели могут составить представление о том, как определяют институты некоторые современные авторы и какие дискуссии ведутся в научной литературе по данному вопросу.

Открывает раздел статья Дж. Серла — одного из наиболее авторитетных представителей современной аналитической философии. Идеи Серла получили известность в социальной теории после выхода в свет его книги «Конструирование социальной реальности». В его концепции институтов, казалось бы, знакомые понятия получают довольно оригинальную трактовку. Важнейшую роль в его анализе играет язык, как наиболее фундаментальный социальный феномен. Вводя новую терминологию, Серл показывает, как анализ роли языка в создании и функционировании институтов помогает объяснить наличие и характерные особенности «институциональных фактов» — основного элемента институциональной реальности. Его работа интересна тем, что в ней соприкасаются разные интеллектуальные традиции — европейский институционализм и американская философия.

Автор другой статьи, Дж. Ходжсон, занимается проблемами усовершенствования понятийного аппарата институциональной теории, пытаясь прояснить ее терминологию. Возможно, многим такой подход покажется в определенной мере схоластическим, однако Ходжсон убежден: дискуссии о природе институтов весьма плодотворны, поскольку они не только позволяют глубже проникнуть в предмет институциональной теории, но и усовершенствовать методы исследования. Именно современным методологическим дебатам, а также полемике с нобелевским лауреатом Д. Нортон во многом и посвящена работа Ходжсона.

В статье В. Ефимова рассматривается особая концепция, которую автор называет «интерпретативной институциональной экономикой». Следуя традициям американского институционализма и исторической школы, автор предлагает сосредоточиться на

интерпретации материалов эмпирических исследований и, по сути дела, призывает вернуться к изучению исторически конкретных, существующих «здесь и сейчас» институтов. В отличие от Серла, сторонника аналитической философии, позиция Ефимова близка скорее к американскому прагматизму, а в отличие от Ходжсона (с которым он вступает в явную полемику) его не очень интересуют проблемы точных дефиниций.

Примечательно, что, несмотря на предметную близость всех трех работ, они тем не менее весьма различны как по тематике, так и по содержащимся в них теоретическим взглядам. Их авторы делают интересные и подчас неожиданные наблюдения, которые вносят серьезный вклад в исследование основного предмета институциональной теории. Нам представляется, что такие дискуссии чрезвычайно важны для современной экономической науки: уточнение смысла понятия «институт» и нетрадиционные подходы к осмыслению институциональной реальности помогают более адекватному пониманию ее устройства и функционирования.

Дж. СЕРЛ,
профессор Калифорнийского
университета (Беркли)

ЧТО ТАКОЕ ИНСТИТУТ?*

Когда я был студентом в Оксфорде, нас учили экономической теории так, словно это естественно-научная дисциплина. Предмет экономической науки, возможно, и считался чем-то отличным от предмета физики, однако лишь в той степени, в какой предмет химии или биологии непохож на предмет физического знания. Результаты преподносились нам так, будто они представляли собой научные теории. Поэтому когда мы заучивали положение о том, что сбережения равны инвестициям, оно преподавалось нам тем же тоном и в той же форме, в какой преподается постулат о равенстве силы произведению массы и ускорения. Мы узнавали, что рациональные предприниматели продают свой товар, уравнивая предельные издержки и предельный доход, как будто бы речь шла о том, что тела притягиваются прямо пропорционально своей массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними. Нигде и никогда даже не упоминалось о зависимости той реальности, которая описывается экономической теорией, от верований человека и других его установок (attitudes), причем о зависимости, совершенно отличной от той, что возникает в физике или химии.

*Searle J. R. What is an Institution? // Journal of Institutional Economics. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 1–22. Публикуется с разрешения JOIE Foundation Ltd, с некоторыми сокращениями. Переводчики благодарят О. И. Ананьина и В. В. Васильева за ценные замечания.

Несколько лет назад, когда я опубликовал книгу «Конструирование социальной реальности», мне уже было известно, что из моей концепции можно получить определенные выводы для экономической онтологии, но я еще не знал, что в экономической науке возник новый интерес к институциональной традиции. И мало будет сказать, что я приветствую этот интерес — я с энтузиазмом поддерживаю его. Однако мне представляется, что в литературе по институционализму по-прежнему присутствует неясность относительно того, что же в точности представляет собой институт. Какова онтология, каков способ существования институциональной реальности? Данная статья представляет собой попытку внести вклад в эту дискуссию.

Экономика как предметная область, в отличие от физики или химии, во многом занята институциональными фактами. Факты, относящиеся к деньгам и процентным ставкам, обмену и безработице, корпорациям и платежному балансу, находятся в самом центре предметного содержания экономической науки. Когда Л. Роббинс в своей классической работе говорит нам, что экономическая наука — это изучение того, как следует распорядиться редкими благами (commodities), он подразумевает наличие масштабной, но невидимой институциональной онтологии. Две собаки, дерущиеся за кость, или два школьника, которые борются за мяч, тоже вовлечены в процесс «распоряжения редкими благами», но считать такую деятельность основным предметом экономической теории нельзя. Для экономической науки способ существования «товаров» и механизмы «распоряжения» ими носят институциональный характер. Если учесть, что институциональные феномены играют важнейшую роль [в экономическом поведении], то удивительно, почему институциональная экономика не всегда находилась в центре внимания в мейнстриме.

Можно было бы подумать, что на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, уже давно был дан ответ, причем не только экономистами, но и многими представителями социальной теории, занимавшимися онтологией общества. Я имею в виду не только таких важнейших мыслителей, как Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель и Альфред Шюц, но и всю западно-европейскую традицию обсуждения политических и социальных институтов, которая восходит по крайней мере к Аристотелевой «Политике». Может возникнуть мысль, что на сегодняшний день мы имеем четкую и разработанную теорию институтов. Однако одной из причин неадекватности упомянутой традиции является то, что авторы, начиная с Аристотеля, обычно принимают язык как само собой разумеющееся. Они используют язык в качестве исходной предпосылки, а затем спрашивают, как возможны человеческие институты, каковы их природа и функции. Но очевидно, что если вы предполагаете язык, то предполагаются и институты. Удивительно, но, скажем, теоретики общественного договора считают естественным наличие у людей языка и изучают то, как эти люди вступают в общественный договор. Между тем в теории речевых актов уже предполагается, что если у вас есть сообщество людей, которые говорят друг с другом, осуществляя речевые акты, это и есть общественный договор. Иными словами, классики движутся в своем анализе

в противоположном направлении — от конца к началу. Следует не анализировать институты, предполагая язык заданным, а исследовать роль языка в учреждении институтов. В данной статье мы предпримем попытку сделать несколько первых шагов в этом направлении, развивая аргументацию, начатую в других работах, особенно в книге «Конструирование социальной реальности»¹.

В XX в. философы научились с величайшей осторожностью задавать вопросы в форме «Что такое...?», например: «Что такое истина?», «Что такое число?», «Что такое справедливость?». Уроки двадцатого века (хотя их и быстро забывают в веке двадцать первом) гласят, что наилучший подход к решению этих проблем — «подкрасться» к ним незаметно. Не спрашивайте, что такое истина, а спросите, при каких условиях мы говорим о некотором высказывании, что оно истинно. Не спрашивайте, что есть число, а спрашивайте о том, как численные выражения функционируют в реальной математической практике. Мы предлагаем использовать этот метод и при ответе на вопрос о том, что такое институт. Вместо того чтобы сразу взять быка за рога и сказать: «Институт — это...», давайте начнем с фиксации сообщений об институциональных фактах. Если бы нам удалось проанализировать природу этих фактов и их отличия от фактов иного рода, то, по-видимому, при ответе на вопрос о том, что такое институт, мы окажемся на верном пути.

В некотором интуитивно понятном и естественном смысле факты, что я — гражданин США, что лист бумаги у меня в руках — это двадцатидолларовая купюра и что у меня есть доля в компании AT&T, — все эти факты являются институциональными. Они таковы в том смысле, что могут существовать только при условии наличия определенных человеческих институтов, и отличаются от того факта, что, скажем, на уровне моря мой вес составляет 160 фунтов, что Земля на 93 млн миль отстоит от Солнца или что в атомах водорода один электрон. Разумеется, чтобы констатировать тот факт, что Земля на 93 млн миль отстоит от Солнца, нам требуется институт языка, в том числе конвенция, согласно которой расстояние измеряется в милях, однако следует различать *констатацию* (*statement*) этого факта (которая носит институциональный характер) от того *факта, который констатируется* (*fact stated*) и не имеет институциональной природы. Но что в институциональных фактах делает их *институциональными* и что для этого требуется?

Независимость и зависимость от наблюдателя, разграничение субъективного и объективного

Хотелось бы начать исследование с нескольких общих разграничений. Во-первых, чрезвычайно важно различать те свойства мира, которые полностью независимы от человеческих чувств и мнений, независимые от наблюдателя черты, и те свойства, которые существуют только в отношении к установкам людей. Независимые от наблюдателя свойства мира включают силу, массу, притяжение, фотосинтез, хими-

¹ Впрочем, мы будем опираться и на книгу «Рациональность в действии», а также еще на некоторые работы.

ческую связь или тектонические процессы. Зависимы от наблюдателя, например, деньги, правительство, собственность, брачные отношения, общественные клубы или президентские выборы. Важно понимать, что одна и та же сущность может обладать свойствами, зависимыми и не зависимыми от наблюдателя, причем первые зависят от установок людей, имеющих отношение к этой сущности. Например, множество движений группы людей — это футбольная игра не только в силу физических траекторий участвующих в игре тел, но и в силу установок участников, их намерений и т. д., а также в силу набора правил, в рамках которых последние действуют. Футбольные игры существуют относительно наблюдателя; траектории движения человеческих тел от наблюдателя не зависят. Надеюсь, читателю очевидно, что большинство обсуждаемых в экономической теории явлений, таких, как деньги, финансовые институты, корпорации, коммерческие сделки, размещения акций на бирже, — все зависимы от наблюдателя. Можно сказать, что в целом естественные науки изучают явления, независимые от наблюдателя, а общественные науки — зависимые.

В первом приближении вопрос о том, является ли тот или иной феномен зависимым или независимым от наблюдателя, решается так: мог бы этот феномен существовать тогда, когда вообще не было ни одного сознательного человеческого существа с интенциональными состояниями? Согласно такому тесту, тектонические плиты, гравитация и Солнечная система не зависят, а деньги, собственность и правительство — зависят от наблюдателя. Конечно, этот тест еще весьма приближителен и неточен, поскольку сознание и интенциональность, служащие для создания зависимых от наблюдателя феноменов, сами являются феноменами, независимыми от наблюдателя. Например, тот факт, что некоторый объект — это деньги, зависит от наблюдателя; деньги как таковые создаются мнениями (*attitudes*) наблюдателей и участников института денег. Однако сами эти мнения от наблюдателя не зависят. Я думаю, что вещь передо мной — это 20-долларовая банкнота, и если кто-либо полагает, что я так не думаю, то он/она просто ошибается. Мое мнение независимо от наблюдателя, но реальность, создаваемая большим числом людей, подобно мне, имеющих то же мнение, зависит от этих мнений и является, следовательно, зависимой от наблюдателя. Таким образом, исследуя институциональную реальность, мы исследуем явления, зависимые от наблюдателя.

Второе необходимое нам разграничение касается различных видов объективности и субъективности. Наша задача состоит в том числе в объяснении, как из субъективных мнений, таких, как убеждения и намерения, мы создаем реальность, где присутствуют корпорации, деньги и экономические сделки, по поводу которых мы можем высказывать объективно истинные положения (*statements*). Однако существует двусмысленность в различении объективного и субъективного. Поскольку объективность и субъективность кажутся в нашей интеллектуальной культуре столь значимыми понятиями, важно прояснить их различие в самом начале исследования. Нам следует отличать *эпистемологический* (*epistemic*) смысл субъект-объектной дистинкции от ее *онтологического* смысла. Так, если я, например, говорю: «Ван Гог умер во Франции»,

данное суждение может быть истинным или ложным в соответствии с объективным фактом. Это не просто вопрос чьего-либо мнения, оно объективно с эпистемологической, познавательной точки зрения. Но если я скажу: «Ван Гог как художник лучше, чем Мане», то это суждение основано на моем мнении и моей точке зрения и никак не связано с объективными фактами, а скорее представляет собой субъективный взгляд. Относительно положений, объективных с эпистемологической точки зрения, можно установить, истинны они или ложны, независимо от чувств и мнений тех, кто выносит или интерпретирует такие суждения. Субъективные суждения, напротив, зависят от чувств и мнений участников дискурса. Познавательная объективность и субъективность — это свойства *утверждений (claims)*. Но вдобавок к такому смыслу субъект-объектной дистинкции существует и онтологическое различие, которое в каком-то смысле лежит в основе этой дистинкции. Некоторые вещи существуют лишь постольку, поскольку они присутствуют в опыте людей и животных. Так, например, боль, щекотка, зуд, ментальные события и процессы, происходящие с людьми и животными, обычно существуют лишь в их опыте. Таков способ их существования. Следовательно, мы можем сказать, что они имеют *субъективную* онтологию. Но, конечно, большинство вещей во Вселенной не нуждаются для своего бытия в том, чтобы их познавали на опыте. Горы, молекулы и тектонические плиты, например, существуют и существовали бы, если вообще не было бы ни людей, ни животных. Мы можем сказать, что их онтология *объективна*, поскольку чтобы быть, они не нуждаются в обладающем сознанием субъекте, который познает их на опыте.

Важно подчеркнуть, что онтологическая субъективность некоторой *сферы* исследования не исключает познавательной объективности *результатов* исследования. Можно строить объективную науку в той сфере, которая с онтологической точки зрения является субъективной. Без этой возможности не было бы общественных наук. Мы можем сказать, что в свете указанных дистинкций один из способов сформулировать проблему для дискуссии — это объяснить, как может существовать эпистемологически объективная институциональная реальность денег, правительства, собственности и т. д., притом что эта реальность отчасти составлена из субъективных чувств и мнений и, следовательно, имеет субъективную онтологию.

Держа в уме разграничения зависимых и независимых от наблюдателя свойств реальности, а также онтологического и эпистемологического смыслов субъект-объектной дистинкции, мы можем поместить нашу дискуссию в более широкий контекст современной интеллектуальной жизни. Сегодня у нас есть довольно ясное представление о том, каковы законы Вселенной, в том числе и на микроуровне. Мы обладаем достаточно развитыми познаниями в области атомной и субатомной физики, мы считаем, что хорошо понимаем природу химической связи, и у нас даже есть весьма глубокие научные достижения в области клеточной и молекулярной биологии; что же касается постижения эволюционных процессов, то и здесь наши познания непрерывно расширяются. Картина, которая возникает в этих сферах исследований, изображает Вселенную целиком состоящей из таких сущностей,

которые нам удобно называть частицами (хотя, разумеется, слово «частица» не очень верное). Эти частицы существуют в силовых полях и обычно организованы в системы, внутренняя структура и внешние границы которых задаются каузальными связями. Примерами таких систем служат молекула воды, галактика или ребенок. Некоторые из них в значительной мере состоят из больших, преимущественно углеродных молекул и являются продуктами эволюции современных видов растений и животных. И здесь возникает наш общий вопрос, в том числе в отношении общественных наук. Как совместить определенное представление, которое мы составили о себе как о сознательных, внимательных, рациональных, осуществляющих речевые акты, общественных, политических, экономических, этических, обладающих свободной волей животных, со Вселенной, целиком состоящей лишь из этих неосмысленных физических явлений? В любом случае не очевидно, что нам удастся согласовать все наши представления о себе с тем, что нам известно из физики, химии и биологии об устройстве мира. Например, не исключено, что нам придется расстаться с нашей верой в свободу воли. Но поскольку наши представления о себе давно устоялись и обоснованы опытом многих тысячелетий, мы неохотно расстаемся с их центральными положениями, не имея на то довольно веских оснований. Исследование, которое мы проводим в данной статье, посвящено одному из аспектов этой более широкой проблемы. Как может существовать социальная и институциональная реальность, в том числе и экономическая, во Вселенной, состоящей исключительно из физических частиц и силовых полей?

Частная теория логической структуры институциональных фактов: X считается Y в контексте C

В данном разделе я буду краток, поскольку по большей части это будет сжатый пересказ материала, который уже был опубликован в работе «Конструирование социальной реальности». Несмотря на то что структура реальных общественных объединений чрезвычайно сложна, мне представляется, что принципы, лежащие в их основе, достаточно просты. Выделим три простейших понятия, с помощью которых можно описать социальную и институциональную реальность².

Коллективная интенциональность

Первое необходимое нам понятие — это коллективная интенциональность. Дабы объяснить, что имеется в виду, мне следует сказать пару слов об интенциональности в целом. «Интенциональность» — это слово, которое философы используют для описания особого свойства сознания: того, что оно направлено на объекты и положения вещей в реальном мире или имеет к ним отношение. Поэтому убеждения,

² Есть еще и четвертое, я называю его Фоном (Background), но здесь оно рассматриваться не будет.

надежды, страхи, желания и эмоции обычно могут в техническом смысле быть охарактеризованы как интенциональные (intentional).

Следует отметить, что интенциональность не связана с намерением (intending) в обычном смысле слова, в каком я, например, намереваюсь (intend) пойти сегодня вечером в кино. Интенциональность скорее общее понятие, имеющее отношение к направленности сознания. Намерение есть просто частный случай интенциональности в техническом смысле, так же как и верования, желания, надежда, страх, любовь, ненависть, гордость, стыд, восприятие, отвращение и многое другое.

Теперь, исходя из того, что у нас всех есть некоторые интенциональные состояния (надежда, верования, желания, страхи и т. д.), следует определить роль интенциональности для социальных групп. Люди и многие виды животных обладают любопытным свойством быть вовлеченными в коллективное поведение (cooperative behavior). Это хорошо иллюстрируют такие примеры, как игра в оркестре, командные виды спорта или просто общение. В таких случаях никто не действует индивидуально, а действия каждого, к примеру исполнение в оркестре партии скрипки или передача мяча другому игроку, совершаются как часть коллективного поведения. Иногда имеет место даже коллективное поведение среди существ, принадлежащих к разным видам. Простой пример: я гуляю со своей собакой. Когда я вовлечен в коллективное действие, то действие, которое произвожу я, есть часть *нашего* действия, которое совершаем мы. Во всех этих случаях действия, совершаемые агентом, являются лишь частью коллективного действия. Вопрос о том, как именно в этих случаях интенциональность индивида связана с коллективной интенциональностью, невероятно сложен, но я писал об этом в других работах и не буду останавливаться на данном вопросе сейчас³.

К понятию коллективной интенциональности относятся не только коллективные намерения (intentions), но и другие формы интенциональности, такие, как коллективные убеждения и желания. Человек может иметь убеждения, которые имеют и другие, или такие же желания, что и целый коллектив. Люди, объединенные одной политической кампанией, обычно имеют общее желание — чтобы их кандидат победил; люди в церкви произносят Символ веры, таким образом выражая коллективную причастность религии.

Коллективная интенциональность составляет основу любого общества — и людей, и животных. Люди, как и многие виды животных, обладают коллективной интенциональностью, а значит, и способностью к созданию обществ. Я определяю социальный факт как любой факт, связанный с коллективной интенциональностью двух и более агентов. Теперь наша задача — выявить особенности коллективной интенциональности у людей, позволяющей нам создавать особые формы социальной реальности, выходящие за границы возможностей животных. Как Верховный суд, выносящий решение, так и стая волков в погоне за овцой характеризуются коллективной интенциональностью и, значит, формируют социальные факты. Вопрос таков: в чем различие класса

³ См.: Searle J. R. Collective Intentions and Actions // Intentions in Communication / Cohen P., Morgan J., Pollack M. E. (eds.) Cambridge, MA: MIT Press, 1990 (Reprinted in: Searle J. R. Consciousness and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 80–105).

социальных фактов в целом и особого, более узкого класса, который составляют институциональные факты?

Приписывание функции

Другое понятие, которое нам понадобится, — это приписывание функции. Люди обладают способностью (присущей и другим видам животных, хотя таких видов немного) приписывать функции объектам, которые сами по себе не имеют функции, а обретают ее только благодаря такому приписыванию⁴. Приписанные функции зависят от наблюдателя⁵.

Если попытаться соединить коллективную интенциональность и приписывание функции, станет ясно, что возможно существование и коллективного приписывания функции.

Статусные функции

Третье понятие на пути от социальных к институциональным фактам — это особый тип приписывания функции, когда объект или индивид, которому она приписывается, не может выполнять эту функцию просто благодаря своим физическим свойствам (*physical structure*), а выполняет ее лишь благодаря коллективному приписыванию некоего *статуса*. Таким образом, предмет или индивид выполняет функцию в результате принятия обществом такого условия, согласно которому он обладает требуемым статусом. Приписывание обычно имеет следующий вид: «*X* считается *Y* в контексте *C*». К примеру, определенное движение в футболе считается забитым голом, определенные процедуры считаются выборами президента США, некоторая позиция в шахматах считается матом. Все это иллюстрирует общую форму приписывания статусной функции «*X* считается *Y*», а вернее, «*X* считается *Y* в контексте *C*». Во всех этих случаях *X* обозначает некоторые свойства предмета, индивида или положения вещей, а *Y* наделяет индивида, предмет или положение вещей особым статусом. Человек обладает способностью, которой, насколько я могу судить, не обладают другие животные, а именно приписывать функции предметам, которые не могут выполнять эти функции только благодаря своим физическим свойствам; это происходит в силу коллективного приписывания или соглашения, что предмет или индивид имеет определенный статус, то есть наделен статусной функцией. Яркими примерами служат деньги, частная собственность и должности в политическом руководстве. Во

⁴ Орудия труда служат ярким примером этому. Человек — животное, использующее орудия труда *par excellence*, но и другие животные, несомненно, их используют. Примеры — плотины бобров и птичьи гнезда. В некоторых случаях животные могут найти полезные орудия, даже если использование этого объекта как орудия не заложено в генетической информации. Вспомним, например, об обезьянах Келера. (В. Келер (1887–1967) — известный психолог, проводивший опыты на обезьянах. — *Примеч. ред.*)

⁵ На самом деле я полагаю, что любая функция приписана, а потому все функции зависят от наблюдателя, но это общее соображение несущественно для данной статьи; поэтому я просто констатирую очевидный факт: приписанные функции зависят от приписывания, а следовательно, от наблюдателя.

всех этих случаях предмет или индивид приобретает функцию, которая может выполняться лишь благодаря коллективному соглашению о наличии соответствующего статуса.

Я бы хотел проиллюстрировать различие между статусной функцией и другими видами функций на примере небольшого индосказания. Представьте себе племя, которое строит вокруг своих домов стену, отделяющую людей из племени от находящихся снаружи незваных гостей, поскольку без согласия племени попасть внутрь крайне трудно. Но представьте, что стена эта постепенно разрушается, пока в какой-то момент не становится просто линией, сложенной из камней. Давайте предположим, что люди продолжают *признавать* (обратите внимание на эти слова), что эта линия является *границей*. Они признают, что им *не следует* пересекать линию, если это не было им *разрешено*. Так мы предполагаем, что стена, хотя теперь она больше не обладает своими прежними физическими свойствами, продолжает выполнять ту же функцию, что и прежде, но теперь это происходит не благодаря физическим свойствам, а в силу того, что люди все еще принимают наличие у стены особого статуса. Она обладает статусом границы, и люди ведут себя в соответствии со своими представлениями о границе. Ряд камней обладает функцией не в силу его физических свойств, а благодаря коллективному приписыванию статуса, причем такого статуса, при котором функция выполняется лишь благодаря коллективному принятию того, что данный предмет обладает этим статусом. Предлагаю называть такие функции *статусными*.

Этот пример призван показать, что переход от физической функции к статусной может быть постепенным, причем определенного момента, когда начинается статусная функция и кончается физическая, может и не быть. Сам язык подсказывает нам правильный ответ. Фраза: «Вы не можете пересечь это» означает или «Это слишком высоко», или «Это запрещено», или и то и другое сразу.

Может показаться, что все описанное — довольно неэффективный инструмент для построения институциональных структур и может развалиться в любой момент. Почему же это не так? Ответ, вернее часть ответа, кроется в том, что описанная структура обладает довольно явными формальными признаками, которые чрезвычайно расширяют масштаб ее действия. Во-первых, она бесконечно повторяется на более высоких уровнях. Так, к примеру, я произношу некоторые звуки с помощью рта, произнесение этих звуков считается обещанием; в определенном контексте мое обещание считается заключением договора, а в другом контексте заключение этого договора считается женитьбой. И так далее. Тогда логическая форма будет выглядеть так: X_1 считается Y_1 . Но $Y_1 = X_2$ считается Y_2 , а $Y_2 = X_3$ считается Y_3 и так далее до бесконечности.

Во-вторых, вся система функционирует как по вертикали, так и по горизонтали. Я не просто владею частной собственностью, но владею собственностью в качестве жителя города Беркли в округе Аламеда, штат Калифорния, США. Существовая в рамках этих институциональных структур, я обладаю всеми видами прав и обязанностей. Например, я должен платить налоги на всех упомянутых четырех уровнях, в то же время всюду мне должны оказывать всевозможные социальные услуги. Я получаю различные права и обязанности, будучи обладателем собственности, а это пересекается с другими социальными институтами.

Когда процедура воплощения формулы « X считается Y » начинает регулироваться, это становится правилом. А правила вида: « X считается Y в контексте C » становятся *конститутивными* для институциональных структур. Они отличаются от *регулятивных*,

которые обычно имеют вид «делай X», потому что регулятивные правила регулируют действия, которые могут происходить независимо от правила. Конститутивные правила не регулируют, а скорее *конструируют* само поведение, которое ими регулируется, поскольку действия, согласующиеся со значительным числом правил, и составляют рассматриваемое поведение.

Яркий пример различия регулятивных и конститутивных правил — правила дорожного движения (например, правостороннее движение) и правила шахматной игры. Можно водить автомобиль и при отсутствии правила о право/левостороннем движении; такие правила регулируют процессы, происходящие независимо от них. Но шахматы не могут существовать без правил, поскольку поведение в соответствии с ними и представляет собой игру в шахматы.

Выскажу очень сильное утверждение. Институциональная онтология человеческой цивилизации, особенности, которые отличают человеческую институциональную реальность от социальных структур и поведения других животных, являются следствием статусных функций, наложенных в соответствии с конститутивными правилами и процедурами. Статусные функции — это тот связующий фундамент, на котором зиждется общество. Речь идет не только о деньгах, имуществе, управлении, брачных отношениях, но также о футболе, всеобщих выборах, коктейльных вечеринках, университетах, корпорациях, дружбе, отношениях собственности, летнем отпуске, судебном разбирательстве, газетах и промышленных забастовках. Несмотря на чрезвычайное разнообразие подобных феноменов, в основе их онтологии лежит общая структура. Напрашивается аналогия с природными явлениями. Костер и ржавеющая лопата на первый взгляд не имеют ничего общего, но их объединяет общий механизм: окисление. По аналогии, выборы президента, футбол и двадцатидолларовая купюра — совершенно разные вещи, но и их объединяет общий механизм: приписывание статусных функций и сопровождающих их деонтологий в соответствии с конститутивными правилами⁶.

Мы очень близко подошли к тому, чтобы дать предварительный ответ на вопрос, вынесенный в заглавие работы: «Что такое институт»? Этот вопрос мы заменили на следующий: «Что такое институциональный факт»? Я утверждаю, что такие факты обычно предполагают наличие структур в виде конститутивного правила «*X считается Y в контексте C*» и существуют только в силу коллективного принятия факта наличия у чего-либо определенного статуса, причем этот статус обладает функциями, которые не могут выполняться при отсутствии такого коллективного принятия. Переход от неформального, но общепринятого приписывания статусных функций к полностью утвердившимся институтам с кодифицированными конститутивными правилами происходит постепенно, но в обоих случаях, как мы увидим, в качестве ключевого элемента присутствует деонтология. Более того, понятие «коллективного принятия» намеренно нечеткое, поскольку я хочу выделить непрерывный континуум: от неохотного присоединения к некой социальной практике до активного ее одобрения.

⁶ Чуть ниже я скажу больше о деонтологии.

Мы можем подвести предварительные итоги: институциональные факты — это любые факты, обладающие логической структурой «*X считается Y в контексте C*», где *Y* приписывает статусную функцию, которая (за редким исключением) содержит деонтологию. Институт представляет собой систему конститутивных правил вида: «*X считается Y в контексте C*». Как только институт устоялся, он порождает структуры, отвечающие за создание институциональных фактов.

Нашей изначальной задачей было установить, как онтология институтов вписывается в более общую онтологию физики и химии, и мы это объяснили: один и тот же феномен (предмет, организм, событие и т. д.) может подходить и под описания, говорящие о нем как о неинституциональном явлении (лист бумаги, человек, серия движений), и под описания, свидетельствующие о его институциональной природе (двадцатидолларовая банкнота, президент США, футбол). Предмет или иной феномен является частью институционального факта *при определенном описании этого предмета или феномена*⁷.

Статусные функции и деонтические полномочия

Как же это происходит? Каким образом набор статусных функций, полученных из системы конститутивных правил, участвует в функционировании общества? Главная роль институтов и смысл их существования не просто в ограничении действий людей, а скорее в создании новых видов отношений власти и влияния (power). В первую очередь человеческие институты создают новые возможности, поскольку учреждают особый тип полномочий, например права, обязанности, обязательства, санкции, разрешения, доверенности, требования и удостоверения. Все это я называю деонтическими полномочиями (deontic powers). Насколько я могу судить, человеческое сообщество отличается от сообществ животных тем, что люди могут создавать деонтологию. Не все деонтические полномочия институциональны, но практически все институциональные структуры порождают деонтические полномочия. Возьмите что угодно: частную собственность, правительство, договорные или неформальные отношения (дружба, семья, клубы по интересам) — все это существует на основе прав, обязанностей, обязательств и т. д., то есть структуры отношений власти и влияния. Нередко институциональные факты «вырастают» из фактов природы. Например, существует биологическая семья, состоящая из родителей и биологического отпрыска. Но люди надстроили над этой биологической основой довольно сложную формальную и неформальную институциональную структуру, в которой имеются статусы матери, отца и детей. А в так называемых «больших семьях» отношения авторитета и другие статусные функции могут распространяться не только на родителей и детей, но и на других родственников. Более того, при данных институциональных структурах можно встретить семьи, в которых никто из членов не является биологическим родственником.

⁷ Я опускаю множество сложных вопросов, чтобы дать простое определение сути той онтологии, о которой идет речь.

Но это еще мало что проясняет в вопросе о том, как же функционируют эти отношения власти и полномочий. Ответ, который играет ключевую роль для понимания общественной жизни, таков: институциональные структуры создают независимые от желаний основания для действия. Признать нечто в качестве обязанности, обязательства или требования уже значит признать, что у вас есть мотив сделать это, который не зависит от ваших нынешних склонностей.

Может показаться парадоксальным, что я говорю об институциональных мотивах как о «независимых от желаний основаниях для действия», ведь многие из них, очевидно, находятся как раз в самом центре чрезвычайно могущественных человеческих желаний. Можно ли желать чего-либо больше, чем денег? Или политической власти? Я полагаю, что здесь мы сталкиваемся с очень важной проблемой: создавая институциональную реальность, мы невероятно расширяем человеческую власть. Учреждая частную собственность, правительство, брачные отношения, фондовые рынки и университеты, мы даем человеку больше возможностей для действия. Но возможность иметь желания и удовлетворять их в рамках этих институциональных структур (например, желание разбогатеть, стать президентом, получить PhD или штатную должность) всегда предполагает, что люди признают деонтические отношения. Без этого признания, принятия и согласия с деонтическими отношениями ваша власть не стоит и ломаного гроша. Иметь деньги или научную степень, быть президентом США имеет смысл лишь тогда, когда другие люди признают, что вы обладаете этим статусом и что этот статус порождает независимые от желаний основания для поведения определенного рода. Общая мысль ясна: создание условий для зависимых от желаний оснований действия предполагает создание независимых от желаний оснований действия. Это верно как для тех, кто получает непосредственную выгоду от властных отношений (например, для человека с деньгами или для того, кто победил на выборах), так и для других участников института.

Язык как фундаментальный социальный институт

Выше отмечалось, что традиционный анализ институтов, как в рамках институциональной экономики, так и в других науках, не полон, поскольку язык везде принимается как данность. Чтобы суметь увидеть логическую структуру других социальных институтов, мы обязательно должны понять, в каком именно смысле язык является фундаментальным социальным институтом. Интуитивно нам ясно даже без всякой теории, что язык фундаментален в весьма конкретном отношении: язык может существовать без денег, собственности, правительства или брачных отношений, но нельзя иметь деньги, собственность, правительство или брачные отношения при отсутствии языка. Сложнее уловить ту конститутивную роль, которую играет язык в этих, а в действительности — и во всех социальных институтах. Он не просто описывает уже существующую институциональную реальность, а формирует ее. Следует объяснить, каким образом это происходит.

Общий вид статусных функций состоит в том, что мы наделяем статусом, а вместе с ним и функцией, нечто, что не может выполнять эту функцию лишь благодаря своим физическим свойствам. При этом оно может действовать, только если ему приписана статусная функция, и здесь его отличие от других инструментов. В чем разница между ножом и двадцатидолларовой банкнотой? Нож будет резать исключительно благодаря своим физическим свойствам, а банкнота не будет обладать покупательной способностью лишь благодаря таковым. Она может функционировать в качестве денег, только если она признана, принята и используется как действующая валюта. Функция ножа может существовать для всякого, кто способен использовать физические свойства предмета, а статусная функция может существовать лишь при наличии коллективного представления о предмете как обладающем тем статусом, который несет данную функцию. *Статусная функция должна быть представлена в качестве существующей, чтобы вообще существовать, а язык или символика определенного рода используются как средства такого представления.* Вы можете сколько угодно изучать физические свойства предмета *X*, но не сможете вычитывать статусную функцию так, как вы вычитываете физические функции, поскольку с физической точки зрения в предмете *X* нет ничего, что само по себе содержит статусную функцию. Этот клочок бумаги — деньги, а этот человек — президент лишь постольку, поскольку бумага представляется в качестве денег, а человек представляется в качестве президента. Но если такие представления должны существовать, то должно быть и некоторое средство представления, каковым и являются язык или символика в самом широком смысле этого слова. Без представления не бывает статусной функции.

Вот почему у животных не может быть институциональной реальности — у них нет языка. У моей собаки очень хорошее зрение, гораздо лучше, чем у меня, но тем не менее я могу видеть то, чего она увидеть не сможет. Например, мы оба можем увидеть, как человек с мячом пересекает линию, но я вижу, что человек забил гол, а собака не видит. Поскольку этот момент чрезвычайно важен, над ним стоит задуматься. Почему моя собака не может увидеть, что человек забил гол? Разве у нее плохое зрение? Мы можем научить собаку лаять всякий раз, как человек с мячом пересекает белую линию, но это еще не значит увидеть забитый гол, ведь чтобы увидеть гол, ей пришлось бы представить происходящее как процесс забивания гола, а без языка она этого сделать не может.

Сказанное приводит нас к очень существенным соображениям об онтологии институциональной реальности и ее отношении к познанию. Дабы увидеть, что человек забил гол, что он президент или что перед нами банкнота, мы должны мыслить на двух различных уровнях одновременно. Мы должны уметь видеть физические перемещения, но видеть их и как гол; видеть клочок бумаги, но и видеть его как банкноту; видеть человека, но вместе с тем видеть его в качестве лидера или президента США. Это кажется похожим на стандартную форму «видения в качестве», подобную тем, что обсуждались Витгенштейном и были хорошо известны в гештальт-психологии. На самом же деле все это в корне отлично от названных теорий. Речь идет вовсе не

о двусмысленном образе утки/кролика, в котором можно увидеть либо утку, либо кролика. Здесь мы должны мысленно подняться на уровень выше — с животного уровня на институциональный. Тогда способность мыслить на различных уровнях встраивается в реальные когнитивные процессы нашего восприятия. Но когнитивная способность видеть такие вещи требует наличия лингвистической или символической способности. Выражаясь просто: нет языка — нет статусной функции; нет статусной функции — нет институциональной деонтологии.

Рассмотрим эти идеи, пройдя через несколько этапов, на которых язык участвует в формировании институциональной реальности. Мы можем считать, что вещи обладают определенным статусом, и благодаря коллективному признанию этого статуса они могут выполнять такие функции, которые они не могли бы выполнять без такого коллективного признания. Форма последнего должна быть языковой или символической в самом широком смысле этих слов, поскольку у нас нет ничего другого, с помощью чего мы могли бы отметить, что находимся на уровне статусной функции. В линии, человеке и мяче нет ничего, что считалось бы забитым голом, за одним исключением: если мы готовы считать, что человек с мячом, пересекающим линию, забивает гол. В наиболее общей форме мы можем выразить это, сказав, что язык выполняет в формировании институциональных фактов по крайней мере четыре функции.

Во-первых, этот факт может существовать лишь постольку, поскольку он представлен в качестве существующего, а форма такого представления является языковой в самом широком смысле этого слова. Мне приходится говорить «в самом широком смысле», поскольку я не имею в виду, что развитые естественные языки с их придаточными предложениями, модальными операторами и неоднозначностью сферы действия кванторов играют существенную роль в формировании институциональной реальности. Я так не считаю. Скорее я полагаю, что до тех пор, пока животное не может символически описывать нечто как обладающее статусом, не связанным с физическими свойствами, у него не может быть институциональных фактов, которые требуют определенного рода символизации. Именно это я называю языком в широком смысле. Символизация должна содержать деонтические полномочия, поскольку в простых физических фактах нет ничего, что само по себе содержало бы деонтологию. Нет языка — нет деонтологии.

Во-вторых (и это следует из первого пункта), формы рассматриваемой статусной функции почти всецело зависят от деонтических полномочий — прав, обязанностей, обязательств, ответственности и т. д. Животные, не обладающие языком, не могут признавать деонтические полномочия, поскольку, не имея языковых средств представления, они не могут представить себе эти полномочия.

Позвольте мне выразить сказанное как можно точнее. В стаях животных могут быть доминирующие самец и самка, а другие животные в стае могут соответствующим образом на них реагировать, но такая иерархия не формируется через систему прав, обязанностей, обязательств и т. д. Действительно, термины «доминирующий самец» и «доминирующая самка» изобретены этологами, то есть с точки зрения третьего

лица для описания жизни животных. Но животное не думает «я обязан признать его авторитет, поскольку он доминирующий самец». Животным недостает деонтологии — обязательств, требований, обязанностей и т. д., которые сопутствуют признанию более высокого или более низкого статуса. Чтобы существовать, эти обязательства, требования и обязанности должны быть представлены в некоторой языковой или символической форме. Когда собаку тренируют, чтобы она подчинялась командам, ее просто учат автоматически реагировать на определенные слова и другие сигналы⁸.

В-третьих, у деонтологии есть еще одна отличительная черта, а именно: она может продолжать свое существование после того, как была создана, и даже после того, как все ее агенты забудут о ее создании. Сегодня я обещаю чем-то помочь тебе на следующей неделе, и это обязательство остается в силе даже тогда, когда все мы крепко спим, причем только в том случае, если оно представлено с помощью каких-либо языковых средств. Обобщая, можно сказать: человеческие сообщества требуют наличия деонтологии, а это может произойти только при наличии языка. Повторяю: нет языка — нет деонтологии.

В-четвертых, ключевая функция языка состоит в том, чтобы распознавать институт как таковой. То, что это — моя собственность, а это — футбол, не просто являются отдельными фактами внутри института, скорее, чтобы этот факт стал футболом, а этот — собственностью, придется признать институт собственности и институт игры в футбол. Там, где есть институциональная реальность, отдельные факты обычно существуют как таковые, поскольку они являются фактами, составляющими общий институциональный феномен. Поэтому, чтобы я мог иметь конкретную частную собственность или обладать конкретной двадцатидолларовой купюрой, должен существовать институт частной собственности и денег. Исключения составляют те случаи, когда институт создается *de novo*. Но обычные институты, в которых конкретные факты обретают свой модус существования, могут существовать только в том случае, если они признаны, и это признание должно быть символическим или лингвистическим в широком смысле.

На пути к общей теории социальной онтологии: «Мы принимаем, что S обладает полномочиями делать A»

Теперь я хотел бы обсудить некоторые новые идеи в теории институциональной реальности, продолжающие то, что было изложено в книге 1995 г. Во-первых, если говорить об изначальной формулировке теории, то я понял, что для распознавания статусной функции обычно необходимы некие *статусные индикаторы*, поскольку индивид или

⁸Я часто ссылаюсь на способности животных. Не думаю, что мы знаем о них достаточно, чтобы быть полностью уверенными, давая им характеристики, особенно в случае приматов. Но важно следующее: если окажется, что некоторые приматы ближе к нам, чем к другим животным, в том смысле, что у них есть деонтические полномочия и отношения, то тем лучше для них. В данной статье я не настаиваю на превосходстве человеческого рода, а пытаюсь отметить некоторое концептуальное различие и на основе тех небольших знаний, которые у меня есть, предполагаю, что с точки зрения деонтологии между нами и другими животными существует граница.

предмет не обладает никакими свойствами, свидетельствующими о его статусе, ведь статус существует лишь в силу коллективного принятия или признания. Так, существуют полицейская униформа, обручальные кольца, свидетельства о браке, водительские права, паспорта — все это статусные индикаторы. Многие общества просто не могут существовать без таких индикаторов, о чем свидетельствует быстрое распространение удостоверений личности и водительских прав. Известный экономист Э. де Сото высказал интересное соображение⁹. Иногда статусные индикаторы, выдаваемые официальными органами (сами эти органы представляют собой набор статусных функций высокого уровня), начинают существовать сами по себе. Как это получается? Дело в том, что в развивающихся странах многие люди владеют землей, но письменных документов на землю не выдают, так что у людей нет документов о владении имуществом. Люди становятся, так сказать, скваттерами; у них нет статусных индикаторов. И вот последствия, имеющие огромное значение для общества. Первое: государство не может обложить собственность налогом, потому что официально люди не владеют землей. Второе, ничуть не менее важное: люди не могут использовать свою собственность в качестве капитала. Обычно, чтобы общество развивалось, владельцы собственности должны иметь возможность пойти в банк и взять заем под свою собственность. Эти деньги предназначены для инвестирования. Но в таких странах, как, например, Египет, во множестве случаев имущество не может быть использовано как обеспечение для инвестиций, потому что эта собственность находится во владении при отсутствии каких-либо документов. Фактически владельцы собственности становятся скваттерами в том смысле, что они не владеют ей юридически, хотя живут в обществе, где их статусная функция признана, распознана и, следовательно, с точки зрения моей изначальной теории, продолжает существовать и создавать деонтические полномочия. Но эти полномочия прекращают существовать, как только большая часть общества потребует официального подтверждения статусной функции. Поэтому без официальных документов деонтические полномочия в их целостном понимании существовать не могут. Одного лишь коллективного признания недостаточно. Должно существовать признание полномочий официальными органами, которые, в свою очередь, получили коллективное признание. Необходимо и присутствие статусных индикаторов, выпускаемых официальными органами.

Вторая, не менее важная идея была подсказана мне Барри Смитом. Он считает, что некоторые институты включают в себя, как он это называет, «свободные Y» (*free-standing Y terms*), когда может существовать статусная функция, но нет физического объекта, который ею наделяется. Интересным примером служит корпорация. Законы штата Калифорния позволяют создать статусную функцию, так сказать, из воздуха. Корпорация создается на основе некой перформативной декларации, при этом нет никакого физического объекта — корпорации.

⁹ *De Soto H. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. N.Y.: Basic Books, 2000* (рус. пер.: *Сото Э. де. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2001*).

Нужны лишь почтовый адрес, а также список членов правления и акционеров. Это как раз тот случай, когда выполнение определенного набора процедур считается созданием корпорации, а сама она, будучи однажды созданной, продолжает существовать, хотя нет ни предмета, ни человека, который являлся бы корпорацией. Акционеры и наделяют членов правления корпорации новыми статусными функциями. В действительности корпорация Y существует, но нет такого предмета или индивида X , который считается Y .

Не менее яркий пример — деньги. Парадокс в том, что деньги были моим любимым примером для формулы « X считается Y », но я исходил из того, что для существования денег так или иначе необходима наличность. Дальнейшие размышления привели меня к мысли, что это не так. На самом деле нетрудно представить себе общество, в котором есть деньги, но совершенно нет никакой наличности. И действительно, используя для расчета пластиковые карты, мы, по-видимому, движемся в этом направлении. Чтобы иметь деньги, нужна лишь система зафиксированных численных величин, с помощью которой человек (корпорация, организация и т. д.) приписывает чему-либо числовое значение, которое указывает в любой данный момент на количество денег, которое он имеет. Эти деньги можно использовать, изменяя числовое значение в пользу продавца, то есть снижая его у себя и увеличивая у продавца. Деньги обычно можно получить купюрами, то есть наличными, но существование наличности не является необходимым условием существования и функционирования денег.

Но как же такие вещи могут работать, если нет физического объекта, который наделяется статусной функцией? Ответ на этот вопрос кроется в том, что обычно статусные функции связаны с деонтически полномочиями, и в этих случаях они непосредственно распространяются на рассматриваемых индивидов. Так, то, что у меня есть ферзь на шахматной доске, не является следствием нахождения моей руки на определенном физическом объекте. Скорее это следствие того, что я обладаю некими полномочиями производить действия относительно других фигур внутри формальной системы (то есть доски, хотя и не обязательно в физической форме). Точно так же наличие у меня в руках тысячи долларов не является следствием того, что у меня в руках стопки купюр, а скорее того, что я обладаю некими деонтическими полномочиями. Теперь у меня есть право, то есть *полномочие*, делать покупки, которым я не обладал бы, не будь у меня денег. В таких случаях реальным носителем деонтологии становится участник экономических сделок или игрок. А физические объекты, такие, как шахматные фигуры и денежные купюры, являются показателями объемов деонтических полномочий, которыми обладают игроки.

В начале работы «Конструирование социальной реальности» было сказано, что основная формула институционального факта — « X считается Y в контексте S » и что она же является формой конститутивного правила, позволяющего нам создавать институциональные факты. Но далее в книге мне удается дать более четкую формулировку. Основной оператор создания властных полномочий в обществе таков: «Мы принимаем, что S обладает полномочиями де-

лать A »; можно считать любые формы властных полномочий булевыми операциями на этой базовой структуре. Так, например, обязательство можно считать негативным полномочием. Тогда в чем именно разница между формулами « X считается Y в контексте C » и «Мы принимаем, что S обладает полномочиями делать A »? Разумеется, мы не просто принимаем, что кто-то обладает полномочиями, а что кто-то обладает полномочиями в силу его/ее институционального статуса. К примеру, выполнение некоторых условий делает кого-то президентом США. Это случай формулы « X считается Y в контексте C ». Но как только мы принимаем тот факт, что кто-то стал президентом США, мы принимаем также, что у него есть полномочия совершать некоторые действия. Он обладает позитивным полномочием командовать вооруженными силами и негативным полномочием, то есть обязательством докладывать Конгрессу о положении в стране. У него есть право командовать вооруженными силами и обязанность делать доклад. В этом случае мы принимаем, что « S обладает полномочиями делать A , потому что $S = X$ », а мы уже приняли, что « X считается Y », при этом статусная функция Y содержит признанные деонтические полномочия.

Продолжая пример с корпорацией, мы можем сказать, что некто считается президентом корпорации, а те или иные люди считаются акционерами. Это случай формулы « X считается Y в контексте C », но на самом деле главный смысл заключается в наделении их полномочиями, обязанностями, правами, сферами ответственности и т. д. Тогда это пример формулы: «Мы принимаем, что S обладает полномочиями делать A ». Повторяясь, хочу сказать, что сама по себе корпорация не отождествляется с каким-либо физическим объектом, лицом или группой лиц; она, так сказать, создана из ничего. Президент является только президентом, а не отождествляется с корпорацией. Причины известны: создавая так называемое «фиктивное лицо», мы можем создать нечто, способное вступать в договорные отношения, покупать и продавать, получать прибыль, быть ответственным за долги, в которых оно может оказаться. Но ни члены правления, ни акционеры лично не несут ответственности за долги корпорации. Это важный прорыв в человеческом мышлении. Так что же считается корпорацией, когда мы ее основываем? Здесь нет такого X , который считался бы корпорацией, скорее есть группа лиц, вовлеченных в правовые отношения, поэтому тот считается президентом, а эти — акционерами, и т. д.; но нет ничего, что считалось бы корпорацией, поскольку целью ее учреждения было создание отношений власти и полномочий без несения ответственности, которая обычно следует из таких отношений, когда они приписаны реальным индивидам.

Я считаю изобретение ограниченной ответственности в корпорации, так же как и двойную бухгалтерию, университеты, музеи, деньги, одним из великих достижений человеческой цивилизации. Но поистине величайшим достижением стало изобретение статусных функций, примером которых и является все вышеперечисленное. Возникновение статусных функций не было неизбежным. Среди животных их, похоже, не наблюдается. Но человеческая цивилизация в том виде, в каком мы ее себе представляем, без статусных функций была бы невозможна.

Различные типы «институтов»

Я не стремился анализировать обычное употребление слова «институт». Меня не очень волнует, совпадает ли мой анализ институциональной реальности и институциональных фактов с таким употреблением. Гораздо интереснее для меня было добраться до связующего звена, основы, на которой зиждется общество. Рассмотрим некоторые другие вещи, которые можно считать институтами.

Как говорилось выше, тот факт, что я гражданин США, — это институциональный факт. А как быть с фактом, что сегодня 24 сентября 2004 г.? Является ли он институциональным? И что означает такой вопрос? По крайней мере он означает следующее: приписывает ли характеристика чего-либо как 24 сентября 2004 г. статусную функцию (коллективным образом), в которой содержится деонтология? При такой постановке вопроса ответ отрицательный. В моей культуре тот факт, что сегодня 24 сентября, не содержит никакой деонтологии. В этом отношении «24 сентября 2004 г.» отличается от «Рождества», «Дня благодарения» или (во Франции) «14 июля», поскольку в каждом из указанных вариантов содержится деонтология. Например, если сегодня Рождество, то я *имею право* на выходной, и в этом моем праве меня поддерживает коллективная интенциональность моего сообщества. Поскольку каждый день — это день какого-то святого, возможно, существует некая подгруппа, для которой 24 сентября — это важный день, связанный с почитаемым святым и содержащий институциональную деонтологию, но я не являюсь членом этой подгруппы.

На мой взгляд, существует такой смысл слова «институт», при котором христианский календарь или календарь народа майя тоже являются разновидностями институтов (в конце концов, оба они были учреждены, *институционализированы*), но это не тот тип институтов, который пытаюсь анализировать я. Календарь — это скорее вербальная система для именования единиц времени (дней, месяцев и лет) и указания на их взаимосвязи. Схожим образом обстоят дела и с другими вербальными системами. В разных обществах разные «словари цвета», но это не делает институциональным тот факт, что одежда, которую я сейчас вижу, цвета фуксии. Схожим образом можно охарактеризовать и системы мер и весов. Факт, что я вешу 160 фунтов, полностью совпадает с тем фактом, что я вешу 72 кг, хотя он может быть выражен с использованием различных систем измерения веса.

Гораздо интереснее для меня такие случаи, при которых рассматриваемые факты находятся на границе институциональных. Я думаю, тот факт, что некто — мой друг, — институциональный факт, поскольку с дружбой сопряжены *коллективно признаваемые* обязательства, права и ответственность. Но как быть с теми фактами, что кто-то алкоголик, «ботаник», интеллектualan, талантливый лентяй (*underachiever*)? Являются ли они институциональными понятиями, а соответствующие термины — институциональными фактами? Нет, по крайней мере в том смысле, в котором я использую эти выражения, поскольку не существует коллективно признанной деонтологии, их со-

проводящей. Разумеется, если в силу закона или обычая возникают критерии, по которым кто-либо признается пьяницей, и наказания, равно как и полномочия для такого статуса, то «быть пьяницей» становится статусной функцией: X считается Y . Я лично полагаю, что, как интеллеktуал, имею определенные обязательства, но до тех пор, пока не существует коллективного признания моего статуса и этих обязательств, считать их институциональным феноменом нельзя¹⁰.

Другая разновидность «института», которую я не пытаюсь здесь описывать, — это массовые формы человеческих практик, касающихся определенных предметов, которые *как таковые* не содержат деонтологии, хотя внутри практик существует множество деонтологий. Например, есть ряд практик, которые сопутствуют тому, что мы называем «наукой», «религией» или «образованием». Превращает ли это науку, религию и образование в институты? Конечно, мы используем понятие «институт» как технический термин, и в этом смысле от нас зависит, хотим мы называть их институтами или нет. Но очень важно, чтобы мы не путали науку, образование и религию с такими вещами, как деньги, имущество, правительство и брачные отношения. Внутри таких масштабных человеческих практик, как наука, религия и образование, действительно существуют институты и множество институциональных фактов. Например, Национальный научный фонд, Калифорнийский университет или католическая церковь — это институты, а то, что Джонс — ученый, Смит — профессор, а Браун — священник, — институциональные факты. Но почему же тогда не являются институтами наука, религия и образование? Чтобы задать вопрос, обозначает ли некое слово W институт, необходимо задать по крайней мере четыре следующих вопроса.

1. Определяется ли W набором конститутивных правил?
2. Определяют ли эти правила статусные функции, которые коллективно признаются и принимаются?
3. Осуществимы ли эти статусные функции лишь благодаря коллективному признанию и принятию, а не благодаря исключительно независимым от наблюдателя свойствам ситуации?
4. Содержат ли статусные функции признанные и принятые деонтические полномочия?

При таких условиях «Национальный научный фонд» — это слово, именующее институт, а «наука» — нет. Правила научного метода (если таковые вообще имеются) регулятивны, а не конститутивны. Они разработаны для того, чтобы максимизировать вероятность открытия истины, а не для создания статусных функций с деонтическими полномочиями. Все сказанное вполне согласуется с тем фактом, что в моей субкультуре сказать, что кто-то «ученый» — значит констатировать институциональный факт, поскольку речь идет о приписывании некоего статуса Y (на основе соблюдения определенных критериев X),

¹⁰ Когда я как-то раз на лекции сказал, что быть «ботаником» — это не статусная функция, один из моих студентов возразил мне, приведя в пример свою школу, где все было наоборот: если человек был главным «ботаником» класса, то считалось, что он должен помогать остальным делать домашнюю работу. Иными словами, имелся определенный вид коллективно признанных обязательств.

который влечет за собой определенные права и обязанности, более или менее специфическую деонтологию.

Выше было сказано, что мне не очень важно, хотим мы или нет использовать слово «институт» как для практик, имена которых определяют институциональную деонтологию, так и для тех, для которых это неверно. Важно подчеркнуть другую основополагающую идею: нам следует отмечать те факты, которые содержат деонтологию, поскольку именно они суть та связующая сила, на которой держится общество.

Возможные недоразумения

У каждой академической дисциплины есть свой стиль, свои неявные практики и ритуалы (*habits*). Мы прививаем их нашим аспирантам, и затем они передаются, большей частью неосознанно, из поколения в поколение. Я хотел бы обратить внимание на некоторые особенности когнитивного стиля экономической теории как научной дисциплины. С моей точки зрения, в целом речь идет о довольно мощных интеллектуальных ресурсах, но они могут и затруднять понимание, если мы работаем в рамках междисциплинарного исследования того или иного рода, которым я сейчас и занимаюсь.

Модели и теории

Экономисты обычно верят в модели. По моему опыту общения с экономистами, они часто говорят о «Вашей модели», как будто бы речь идет не о попытке создания точной и адекватной реальному миру теории, а просто о конструировании модели. Разумеется, в классической экономической теории действительно конструируются модели. Например, принимается ряд предпосылок о предпринимателях, стремящихся максимизировать прибыль, и о потребителях, стремящихся максимизировать полезность, а затем из этого делаются определенные выводы. В той мере, в какой предпосылки истинны, выводы будут обоснованы. Если же предпосылки истинны лишь отчасти или же допускают всякого рода исключения и влияния внешних факторов, не оправданных этими предпосылками, применимость модели к условиям реального мира будет ограниченной. В целом экономистов такие ограничения не волнуют, поскольку они считают, что до тех пор, пока у модели есть прогнозная сила, нам не следует беспокоиться о том, является ли она истинной до конца, во всех деталях.

Такой методологический подход может быть полезен для решения множества задач, но затрудняет понимание моих собственных взглядов. Я не пытаюсь сконструировать модель; я пытаюсь разработать теорию, в которой содержится набор важных фактов о том, как на самом деле функционирует общество. Когда я говорю, что у меня на руках два больших пальца, это утверждение (*statement*) — не «модель» моего анатомического строения, а буквальная констатация факта. Точно так же, когда я говорю, что институты порождают статусные функции, это не модель, а констатация факта (если я прав). И речь здесь не идет

о конструировании модели, в которой игнорируются все возможные виды усложнений и детализации.

Мысленные эксперименты

Насколько мне известно, экономисты обычно путают мысленные эксперименты с эмпирическими гипотезами. Рассмотрим пример, возникавший снова и снова. Я отмечаю, что существуют независимые от моего желания основания для действия. Классический случай — обещание: если я обещаю что-либо сделать, у моего действия есть основание, независимое от моих желаний. Экономисты на это часто говорят: «Да, но есть множество разумных оснований, по которым Вы сдержите Ваше обещание; если бы Вы этого не сделали, люди не доверяли бы Вам», и т. д. В философии такие аргументы известны, но они не передают сути дела. Одним из способов увидеть это является мысленный эксперимент. Уберите упомянутые разумные основания и спросите себя, остались ли у вас основания сдержать обещание. Ответ — это не эмпирическая гипотеза о том, как я вел бы себя в определенной ситуации, а скорее мысленный эксперимент, призванный показать концептуальное различие между разумными основаниями действия и независимым от желания обязательством, которое я признаю, признавая нечто как данное мною обещание. Суть в том, что я не делаю эмпирический прогноз, как я реально поведу себя в определенных условиях. Я провожу концептуальный анализ того, отличается ли понятие разумного основания от понятия основания (причины), независимого от желания. Понятие обещания по самому своему определению содержит в себе понятие независимого от желаний основания. Признать нечто в качестве достоверного обещания — значит признать, что оно создает некое обязательство. Такие обязательства и являются независимыми от желаний основаниями действия.

Методологический индивидуализм

Мне кажется, что с понятием «методологический индивидуализм» возникла некоторая путаница. Не слишком вдаваясь в детали, я хотел бы указать, в каком точном смысле изложенные в данной статье взгляды совместимы с методологическим индивидуализмом. Я полагаю, связь здесь в том, что любая независимая от наблюдателя ментальная реальность должна существовать в сознаниях отдельных индивидов. Не существует никакого группового сознания, мировой души или гегелевского Абсолюта, некоего целого, фрагментами которого были бы наши индивидуальные сознания. Это можно выразить по-другому, в свете тех дистинкций, о которых было сказано выше: всякая независимая от наблюдателя интенциональность содержится в сознаниях индивидов. Такой смысл методологического индивидуализма представляется мне вполне непротиворечивым. Он полностью согласуется с мыслью о том, что существуют предикаты, верные для социальных коллективов, но никак не для индивидов. Например, если я говорю, что правительство Соединенных Штатов столкнулось с серь-

езным бюджетным дефицитом, это утверждение имеет смысл с точки зрения поведения индивидов, но это не сами индивиды столкнулись с серьезным дефицитом бюджета. Кроме того, такое определение методологического индивидуализма позволяет мне обойти проблему «экстернализма» в философии сознания. Я действительно полагаю, что ментальные состояния находятся целиком у нас в головах, но многие современные философы считают, что содержание ментальных состояний находится не в голове, а включает, например, каузальные отношения с реальным миром и окружающим человека обществом. На мой взгляд, это неверно, но для целей настоящего исследования нет необходимости вести данную полемику. Я просто настаиваю на том, что любая ментальная реальность находится в сознаниях индивидов. Это согласуется с теорией, согласно которой содержание ментальных состояний и, следовательно, сознание находятся не в головах, хотя и считаю, что такая теория неверна.

* * *

Теория институтов, представленная в данной статье, во многом остается незавершенной, как и мои более ранние работы, на которые я здесь опираюсь. Думаю, что эта теория уже не в младенчестве, но все еще в детском возрасте. Всем, кто хотел бы развивать ее, необходимо дать две методологические рекомендации. Во-первых, поскольку институциональная онтология субъективна, ее всегда следует изучать от первого лица. Институциональные факты существуют только с точки зрения их участников, и поэтому внешние функционалистские или бихевиористские методы для их анализа неадекватны. Следует самому мысленно вжиться в институт, чтобы понять его. Во-вторых, следствием нашего анализа является то, что общество обладает логической структурой. Другие области природы, например Солнечная система, деление клетки или репликация ДНК, такими структурами не обладают. Теории об этих областях природы имеют логическую структуру, но сама природа — нет. Однако общество отчасти состоит из представлений, репрезентаций, а эти репрезентации обладают логическими структурами, и любая теория, в которой рассматриваются такие феномены, должна содержать логический анализ их структур.

*Перевод с английского
И. Болдырева, Е. Мордмиллович*